

ЛЮДВИГ
ФЕЙХТВАНГЕР

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ

ИВРИТ ЭМОС

ПОЭМЫ, ПЬЕСЫ, ТРАГЕДИИ
И ДРУГЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

РАССКАЗЫ

Annotation

«... – Поразительно, – продолжал Бригман. – Как вы не понимаете, ведь я, даже если бы хотел, не мог бы сделать так, чтобы с вами случилось все, что мне заблагорассудится. Я могу только увидеть и описать, что уже есть в вас, и только это с вами и случится! А после ваших слов, Фальк, поверьте, мне этого почти уже хочется. – Он повернулся к Леноре и деловито подытожил: – Вы слышали, дорогая? Наш друг Фальк согласен, чтобы я описал то, что вижу в нем, и чтобы это с ним случилось. Так ведь? – обратился он к инженеру.

– Да, да, да, – нетерпеливо ответил Фальк. ...»

-
- [Лион Фейхтвангер](#)
    -
    - [Примечания](#)
-

Лион Фейхтвангер

Пари

– Все-таки удивительно, – сказала Ленора, – что за семь лет нашего знакомства вы ни разу не сделали какую-нибудь свою героиню похожей на меня.

Она заговорила об этом легко, между прочим, и, улыбаясь, с легким вызовом посмотрела прямо в глаза Людвигу Бригману. Дело было после ужина, в маленьком желтом салоне Леноры. Пили кофе. Собеседников было трое: Ленора, писатель Бригман и инженер Фальк. За столом они много и непринужденно беседовали, и сейчас каждый из троих был расположен к откровенности.

– Да, удивительно, – подтвердил Бригман серьезно, как бы не замечая улыбки Леноры. – Признаться, много раз мне хотелось надеть ту или иную из моих героинь вашим лицом, вашим голосом, вашей походкой, и прежде всего, конечно, Хильдегард из «Упущенных возможностей».

– Почему же вы этого не сделали? – спросила Ленора.

– Сейчас постараюсь объяснить. Вы знаете, я не суеверен, по моим книгам ясно видно, что мир всяких чудес – не мой мир. Но не могу отделаться от одной мысли, которая вам, быть может, покажется суеверной. Я не раз убеждался, что люди, которых я выбрал прототипами, впоследствии повторяли судьбу моих героев. Я хотел уберечь вас, Ленора, от участи, скажем, моей Хильдегард и потому скрепя сердце отказался от намерения сделать вас героиней «Упущенных возможностей».

Ленора на мгновение задумалась. Но прежде чем она успела ответить, в разговор вмешался Герман Фальк:

– Позвольте, позвольте, дорогой Бригман, выходит, вы восседаете среди нас как некий божок и распоряжаетесь судьбами простых смертных. – Он попытался произнести это безразличным тоном, но в его словах слышна была ирония, и едва заметная усмешка показалась на его широком симпатичном лице с плоским львиным носом.

Герман Фальк и писатель Людвиг Бригман встречались часто, больше всего в доме Леноры. Между ними издавна установилась

прочная дружба-вражда. Фальк был способный, преуспевающий инженер, и седая шевелюра только подчеркивала его молодую мужественность. Он очень нравился Леноре, хотя порой слишком назойливо давал понять, что знает себе цену.

– Назовите это суеверием, – мягко возразил Людвиг Бригман, – я заранее соглашусь с вами. Но вольно или невольно, я чувствую себя ответственным за судьбы своих героев и тех людей, которые служили мне прототипами. Временами от этого становится жутковато, а иногда это приятно, тут вы совершенно правы, дорогой Фальк.

Бригман сидел почти неподвижно и старался говорить как можно скромнее, но смотрел он прямо на Фалька, и тому почудилось в его взгляде огромное высокомерие. Он заметил также, что этот вздор, вот уже во второй раз преподносимый Бригманом, произвел, по-видимому, впечатление на Ленору. Это его больно уязвило.

– Подобные магические представления, – начал он тоном взрослого, поучающего ребенка, – известны с давних пор. И с давних пор поэты и художники старались распространять такие суеверия. В сущности, милый Бригман, нет никакой разницы между тем, что вы называете своим суеверием, и претензией знахаря, внушающего своим первобытным соплеменникам, что его заклинания способны принести им благоденствие или навлечь беду.

– Пусть так, – миролюбиво согласился Бригман, а Ленора попросила Фалька:

– Расскажите нам о знахарях, вспомните какие-нибудь интересные истории или примеры.

Фальк поднял голову, широкие ноздри его львиного носа слегка раздувались. Он был знаменит необыкновенной памятью – настоящий ходячий лексикон – и очень часто демонстрировал свой талант, любил его демонстрировать. И сейчас он рассказал Леноре и Бригману множество историй, где-то услышанных или вычитанных им и сохраненных его необъятной, цепкой памятью, историй о пророках и заклинателях, об одержимых и шарлатанах, об удачных и неудачных магических опытах.

– Как по-вашему, Фальк, эти истории о чудесах и сбывшихся предсказаниях, все они вымышлены? – спросила Ленора, когда он кончил.

– Может быть, – любезно допустил инженер, – некоторые из этих людей были искренне убеждены в своей способности влиять на судьбу, как убежден в этом наш друг Бригман. Кроме того, дальнейшие события они чистосердечно истолковывали так, словно все совершалось по их предсказаниям. Ведь так мало людей, – пожал плечами Фальк, – способно объективно изложить события, в которых они сами были участниками.

Бригман ничего не ответил, и на лице его нельзя было ничего прочесть. Возражать Фальку стала Ленора:

– Я думаю, в магических способностях нашего друга Бригмана нет ничего сверхъестественного. Все объясняется тем, что всякий писатель, достойный этого имени, обладает интуицией и знанием человека. И заставляет своих героев действовать так, чтобы поступки отвечали их характеру, ставит их в ситуации, соответствующие их внутренней сути. Потому нет ничего удивительного, если иногда судьбы выдуманных персонажей и их реальных прототипов действительно совпадают.

Казалось, Бригману как-то неприятно это естественное объяснение того сокровенного чувства, в котором он столь неосторожно признался.

– Как бы то ни было, – сухо резюмировал он, стремясь закончить разговор, – мне боязно, дорогая Ленора, вывести вас в одной из моих вещей.

Однако, заметив, что спор этот неприятен писателю, Фальк именно поэтому не пожелал менять тему. Ему хотелось в присутствии Леноры доказать болтуну Бригману, что все его разглагольствования – чушь, пускание пыли в глаза.

– Может быть, – обратился он к писателю, – вы нам расскажете что-нибудь в подтверждение этого вашего, как вы говорите, суеверия?

– Я мог бы рассказать и не об одном таком случае, – спокойно ответил Бригман, – но только было это все с людьми, которых вы с Ленорой знаете очень мало или совсем не знаете. Хотя вы мне, конечно, поверите, милый Фальк, тем не менее вы, при вашем скепсисе, будете считать все это плодом моего воображения и последующей подтасовкой фактов.

– Нет уж, не увертывайтесь, докажите нам свое магическое влияние, – настаивал инженер. – Я уверен, Ленору это тоже очень

интересует. Я понимаю, вы боитесь трогать нашу Ленору, и я уважаю ваши мотивы. Но проделайте опыт с кем-нибудь другим, – он сделал паузу, и едва заметная усмешка снова мелькнула на его лице, – например, со мной.

Ленора быстро, непроизвольно наклонилась вперед и, как бы обороняясь, подняла руку.

– Нет, нет, Фальк! – воскликнула она. Немного смущенный инженер на мгновение заколебался, а Ленора продолжала: – Не будьте так легкомысленны!

Но это предостережение только подзадорило Фалька. Если теперь он отступит, говорил он себе, Ленора подумает, что болтовня этого заносчивого дурака-поэта и на него подействовала. Разве он, приверженец здравого смысла, не обязан показать всю абсурдность атавистического суеверия Бригмана.

– Легкомыслен? – сказал он с явной иронией. – Именно потому, что во мне нет ни капли легкомыслия, я и прошу его проделать этот опыт. Правда, Бригман, ну попробуйте! Ведь подумать только, если вы правы, – с ожесточением продолжал Фальк, – если за вашими словами кроется нечто большее, чем внезапная фантазия, весь мой мир обрушится. Да тогда рушится весь наш разумный мир, который зиждется на вере в причину и следствие. Ведь если в ваших утверждениях есть хоть тысячная доля правды, тогда ложно все, во что я до сих пор верил. Тогда я не смогу больше доверять своим глазам и мозгу, тогда мне нельзя больше строить свои мосты, тогда мне вообще конец.

– В моем «суеверии» есть немалая доля правды, в этом сомневаться не приходится, – сухо, почти враждебно ответил Бригман. – Я убежден: тот, кто по-настоящему видит и понимает характер человека и его среду, может знать кое-что и о его судьбе. Если бы я в это не верил, я не мог бы писать. Но я ведь не миссионер и не собираюсь обращать вас в свою веру, Фальк, поэтому оставьте мне мои книги и мое «суеверие», а вам я оставляю ваши мосты и веру в причину и следствие.

Но инженер упорно стоял на своем.

– Нет, нет, так легко вы от меня не отвертитесь. Теперь вы просто обязаны доказать нам все на деле. Дайте мне судьбу, – горячился он, – какую хотите! Пусть со мной случится все, что вам заблагорассудится.

Я заранее на все согласен, Бригман. Слышите, я согласен, я никогда ни в чем вас не упрекну. Держим пари! Если вы окажетесь правы, если из того, что вы мне насочините, хоть что-нибудь да сбудется в течение, ну, скажем, пяти лет после выхода книги, тогда располагайте мной по своему усмотрению. Тогда можете сказать: «Кончай строить свои мосты, Фальк!» или «Уходи из этого дома и никогда не встречайся больше с Ленорой!» Я выполню все, что вы мне прикажете. Вот, Ленора – свидетельница. Но если вы окажетесь неправы, если из того, что вы наворожите мне в вашей книжке, ничего не сбудется, тогда вы просто хвастун, Бригман, тогда... – его львиная физиономия стала откровенно насмешливой, – тогда вы ставите нам бутылку вина.

– Да, вы действительно непоколебимо верите в ваши мосты и в причину и следствие, – заметила Ленора, но Фальк ни за что не желал отступать.

– Ну как, по рукам? Заметано? – настаивал он.

Писатель смотрел на разгоряченное лицо инженера без обиды, скорее с удивлением.

– Так вы действительно думаете, что все, чем мы занимаемся, только мистика и пустая забава? – удивленно спросил Бригман.

– Мечта и пустая забава, – поправил инженер.

– Поразительно, – продолжал Бригман. – Как вы не понимаете, ведь я, даже если бы хотел, не мог бы сделать так, чтобы с вами случилось все, что мне заблагорассудится. Я могу только увидеть и описать, что уже есть в вас, и только это с вами и случится! А после ваших слов, Фальк, поверьте, мне этого почти уже хочется. – Он повернулся к Леноре и деловито подытожил: – Вы слышали, дорогая? Наш друг Фальк согласен, чтобы я описал то, что вижу в нем, и чтобы это с ним случилось. Так ведь? – обратился он к инженеру.

– Да, да, да, – нетерпеливо ответил Фальк.

– Я не знаю еще, – продолжал размышлять Бригман, – воспользуюсь ли вашим согласием, но, быть может, я выведу вас в какой-нибудь из своих вещей. Так вы точно согласны? – еще раз удостоверился он.

– Еще бы! – шутливо отозвался довольный Фальк тоном явного превосходства. – Дерзай, старина! – И он покровительственно похлопал Бригмана по плечу.

Хотя порой писатель Бригман бывал очень откровенен со своими друзьями, потом он снова упорно замыкался в себе и никому не рассказывал о работе и планах. Поэтому вышло так, что инженер Фальк ничего не узнал заранее о его новой книге и, когда она вышла, перелистал с волнением и, как бы он ни подтрунивал над собой за это, с некоторым трепетом. Однако ни в одном из героев он не нашел ни малейшего сходства с собой. То же было и в следующей книге. Всякий раз, когда Фальк или Ленора заговаривали о пари, Бригман упорно отмалчивался. Постепенно и сам Фальк начал забывать об их уговоре.

И вот года через три после того вечера вышел в свет новый роман Бригмана «Заседание рейхстага». В этом произведении среди второстепенных персонажей был выведен некий политический деятель, парламентарий, которого любят и опасаются из-за его безошибочной памяти; Бригман назвал этого человека Краузнек. Благодаря своей необъятной, цепкой памяти Краузнек в любой миг мог найти оружие, чтобы защитить друзей и поразить врагов; никто не был гарантирован, что Краузнек не уличит его в противоречии. Политический деятель Краузнек, каким изобразил его Бригман, знает о людях буквально все и с неумолимой логикой указывает им на их слабости и противоречия; однако в действительности он совершенно не разбирается ни в людях, ни в обстоятельствах. У него все ограничивается памятью, нагромождением мертвого материала, который он умеет приспособить для нужд момента с адвокатской ловкостью; его логика – мнимая, он не имеет ни малейшего представления о пестрой и полной смысла путанице этого мира, о тысячах разнообразных нитей, из которых сплетена душа. Писатель Бригман не шаржировал своего Краузнека; он описал его без насмешки, с едва приметной мягкой улыбкой. Краузнек – симпатичный господин, седая шевелюра только подчеркивает молодую мужественность его широкой львиной физиономии. Быть может, он чуточку слишком хорошо знает, какое впечатление может произвести, но его живое обаяние от этого не терпит ни малейшего урона. Все друзья инженера с первого взгляда безошибочно узнали его в политическом деятеле Краузнеке, и все сошлись на том, что портрет написан без неприязни, скорее с симпатией.

Судьба Краузнека-Фалька в романе Бригмана «Заседание рейхстага» складывалась следующим образом. В результате

несчастливого случая он лишился памяти. Сначала врачи полагают, что это временное расстройство, но память не возвращается. Попытки Краузнека вновь овладеть своей разрушенной памятью, мучительные поиски нужного слова, имени, даты, факта были описаны Бригманом с потрясающей достоверностью. Невозмутимо, захватывающе и убедительно рассказывал он о жалости, которую вызывает несчастье Краузнека-Фалька в кругу знакомых и друзей, о сострадании, с которым они скрывают свое нетерпение, об их неловких попытках его утешить.

Герман Фальк читал. Читал, например, как Краузнек встречается с женщиной, которая ему нравится. Он заранее придумал, что ей сказать, сочинил изящную фразу, намекающую на известный эпизод из их отношений, фразу, которая рассчитана на нее и непременно должна ей понравиться. И вот он сидит рядом с ней, а фраза бесследно улетучилась. Он пытается ее припомнить, ясно видит, что женщине скучно, лихорадочно роется в самых дальних уголках своей расстроенной памяти, ища приятные, убедительные слова, но тщетно; он ищет их со все возрастающим страхом, и разговор их становится все более вялым. Женщина по-прежнему любезна и вежлива, но нет и в помине того впечатления, которое он производил раньше и в котором был так уверен. Наконец она уходит, а Краузнек все еще тщится вспомнить ту придуманную им фразу. Ночью он просыпается, во сне он ее нашел снова, а теперь она опять ускользнула.

Герман Фальк читал. Он был один. И все же на его широком мужественном лице показалась усмешка, чуть заметная, нервная и ироническая, как будто он и в одиночестве старался уверить самого себя, что все это не имеет ни малейшего смысла, между ним и Краузнеком нет никакого сходства. Ну хорошо, пусть этот Краузнек немного тщеславен, но что за абсурдная идея пришла в голову Бригману – так «качать» его за это! Право, удивительно, как много магических, детских, религиозных представлений живет еще в голове взрослых людей. Человек теряет память, потому что гордится ею. Он вызвал зависть богов. Ниобея, Поликратов перстень, вина и искупление... И при всем том Бригман, несомненно, отличный писатель. Как он дает почувствовать, каково приходится этому Краузнеку. Быть может, ему, Герману Фальку, и вправду суждено потерять когда-нибудь память, все возможно. Но ведь такие вещи

случаются ближе к старости, лет в шестьдесят – шестьдесят пять, а ему-то всего сорок шесть. И когда истечет срок пари, ему будет только пятьдесят один.

Через несколько дней после того инженер Фальк встретился с женщиной, которая ему нравилась. Дама слыла своенравной, высокомерной и недоступной. Инженер Фальк чувствовал себя в тот день в форме. Он блистал, он приказал себе быть неотразимым, он в совершенстве владел своей памятью, все было при нем. Он ясно видел, как сияют ему навстречу глаза женщины, как она понемногу уступает. «Бригману непременно придется поставить мне бутылку», – смеялся он про себя.

Еще через два года в Германии пришла к власти некая партия силы. Герман Фальк мало интересовался политикой, но ему не нравилось, когда на него надевали узду и намордник, а его хорошая память позволяла ему на каждом шагу видеть противоречия в словах и делах новой правящей касты. К тому же он не умел держать язык за зубами. Правители позволили ему некоторое время побегать на свободе: у них были более важные дела, да и работа его ценилась и была им необходима. Но постепенно вызывающее поведение Фалька приобрело слишком большую огласку, и правители не могли больше делать вид, что ничего об этом не знают. Они предостерегли его раз, другой, стали чинить ему разные препятствия в работе и наконец упрятали в концентрационный лагерь.

Там он повстречал своего друга Бригмана, арестованного новыми господами уже в первые месяцы их власти.

Бригман держался спокойно, не терял терпения и внутренней уверенности. Это приводило в ярость неотесанных, грубых парней, которые его охраняли, и они обращались с ним особенно скверно. Он смирялся с этим, принимал как должное. Товарищи по лагерю уважали его, но не очень любили, так как он был молчалив, разумен, не жаловался и не обращал внимания на лихорадочные слухи.

Тем большей любовью стал пользоваться Герман Фальк. Он беседовал с каждым, говорил охотно и много, был шумным, любезным, и даже некоторые из его грубых стражей поддавались его обаянию. Фальк горячо обсуждал малейший слух, впадал в отчаяние

вместе с товарищами и готов был вместе со всеми в надежде хвататься за любую соломинку.

Однако демонстрировать всем свою обычную разговорчивость и шумную любезность стоило ему величайшего труда. Оставшись один, он особенно безудержно предавался отчаянию. Путано и бессмысленно сетовал он по ночам на свою судьбу. Он никак не мог примириться с тем, что все это случилось именно с ним, Германом Фальком. Политические события казались ему несправедливостью, направленной лично против него. Он возмущался, беспрестанно грыз себя, и хотя внешне казался сильным, его неукротимая душа подтачивала его изнутри.

Для всех Фальк был хорошим товарищем, милым и услужливым, но, оставаясь наедине с Людвигом Бригманом, сразу становился ворчливым, придирчивым и нетерпимым. Бригман вызывал у Фалька раздражение, и тот задирали его без причины, высмеивал. Можно было подумать, что Фальк считает его виновным во всех случившихся бедах. И при этом он совершенно явно искал его общества. Ведь с ним одним он мог дать себе волю: выговориться до конца, жаловаться, негодовать, возмущаться.

Оба были уже немолоды: Бригману за пятьдесят, Фальку – под пятьдесят. Но мощный, мускулистый силач Фальк вопреки своей внешности гораздо хуже переносил мытарства лагеря, чем слабосильный, но выносливый Бригман. В конце концов Фальк сдал и физически, на его широком лице с небольшим плоским львиным носом появилось много морщин, и седая шевелюра не составляла более контраста с лицом.

Имя писателя Бригмана пользовалось известностью за рубежом, и многие старались добиться его освобождения из лагеря. Наконец эти старания увенчались успехом, немецкие власти отпустили Бригмана, и он смог уехать в Англию.

В свою очередь, Бригман приложил все усилия, чтобы выхлопотать освобождение и для Фалька. Это было нелегко, но после первых неудачных шагов ему все же посчастливилось. Фальк был отпущен и через некоторое время тоже прибыл в Англию.

Бригман жил в Кемберленде, в озерном крае, а Фальк сначала обосновался в Лондоне. По слухам, доходившим до Бригмана, Фальк сделался совсем прежним – сильным, элегантным, шумным и

самоуверенным, может быть, еще более безапелляционным, чем раньше.

Месяца через два-три, приехав на короткое время в Лондон, Бригман встретил инженера. Тот действительно был таков, каким его описывали: широкое лицо с львиным носом снова казалось моложе, а седые волосы только подчеркивали его мужественную юность. И он действительно был шумлив и самоуверен, как о нем говорили Бригману. Он похлопал писателя по плечу. Он держался покровительственно и даже не подумал благодарить его.

Заговорили о лагере. И скоро Бригман заметил, что Фальк, обычно столь точный в хронологии, путает последовательность событий. А когда писатель случайно поправил Фалька – тот неверно назвал имя одного из надзирателей, и Бригман подумал, что Фальк просто оговорился, – инженер стал запальчиво настаивать на своем. Позднее, когда стали вспоминать о товарищах по заключению, Фальк явно избегал имен, говоря только «этот тип» или «как бишь его звали», или же начинал мучительно искать в памяти какое-нибудь имя и нетерпеливо, тоном властного упрека требовал от Бригмана: «Помогите же мне!»

Уже совсем к концу разговора, когда писатель собирался прощаться, Фальк вдруг сказал язвительно и победоносно:

– Ну, не вы ли предсказали мне скверный конец? Кто из нас оказался прав? Кто проиграл пари? – А увидев изумленное лицо Бригмана, продолжал: – Конечно, теперь вы ничего не помните и знать не хотите. А ведь мы заключили когда-то пари, вы и я. Помните, это было еще вечером, у той женщины, как бишь ее звали? Никак не могу припомнить ее имя! Нет, вспомню, обязательно вспомню! Черт побери, как же ее все-таки звали?

Примечания

(«Eine Wette»)

© Перевод. Е. Маркович, 2003

Впервые в сборнике «Венеция (Техас)».

Ниобея – в древнегреческой мифологии дочь Тантала, жена фиванского царя Амфиона. Гордясь многочисленным потомством, Ниобея оскорбила своим хвастовством мать Аполлона и Артемиды Лето (Латону), за что Аполлон и Артемида умертвили всех детей Ниобеи. Сама она, окаменевшая от горя, была перенесена на вершину горы Сипил (в Малой Азии), где обречена вечно проливать слезы по убитым детям.

Поликрат (? – ок. 523 или 522 до н.э.) – древнегреческий тиран на острове Самос (приблизительно с 540 до н.э.). По Геродоту, Поликрат, возбудивший зависть богов, бросает им свой перстень, который ему дороже всех сокровищ, но боги не принимают его дар.